

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Научная статья / Research article

Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума

Ольга Русакова ^a , Василий Русаков ^b

^a Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия

^b Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия

 rusakova_mail@mail.ru

Аннотация: Исследуется соотношение категорий рационального и иррационального в философии Просвещения и классическом марксизме, нашедшем свое воплощение в России в виде большевизма (ленинизм). Авторы выявили, что рационализм как своеобразная «мифология Разума» возник в эпоху Просвещения и достиг апогея в Великой Французской революции и немецкой классической философии. Несмотря на то, что в ряде работ классического марксизма были выдвинуты весьма эвристически ценные идеи переформулирования проблемы сущности и соотношения категорий рационального и иррационального, рационализм господствовал в осмыслении реальности и практиках первых лет Октябрьской революции. Это нашло выражение в работах В.И. Ленина, в общественно-политической и духовной атмосфере революционной России, что имело далеко идущие последствия для советского общества. Этот феномен проложил дорогу государственно-политической мифологии Разума и его фетишизации, мистификации науки (которая, как магия, – «все может»). Данные рационалистические схематизмы глубоко проникли во все формы массового сознания и породили культ Разума, на основе которого должны были быть преобразованы все сферы жизни советского общества.

Ключевые слова: ранний советский период, просветительский рационализм, массовое сознание

Благодарности и финансирование: Исследование проведено при поддержке гранта РФФИ № 21-011-43023 «Официальный дискурс российской политики памяти о советском прошлом: стратегии интерпретаций, акторы, коммеморативные практики».

Для цитирования: Русакова О.Ф., Русаков В.М. Советская власть плюс рационализация всей страны: построение Царства Разума // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21. № 4. С. 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Soviet Power Plus Rationalization of the Whole Country: Creating the Kingdom of Reason

Olga Rusakova ^a , Vasilii Rusakov ^b

^a Ural Branch of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

^b Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia

 rusakova_mail@mail.ru

Abstract: The correlation between the categories of rational and irrational in the philosophy of the Enlightenment and classical Marxism, which found its embodiment in Russia in the form of Bolshevism (Leninism), is studied. The authors identify that rationalism as a kind of "mythology of Reason"

arose in the Enlightenment era and reached its apogee in the Great French Revolution and German classical philosophy. Despite the fact that in a number of works of classical Marxism heuristically valuable ideas were put forward to reformulate the problem of the essence and correlation of the categories of rational and irrational, rationalism prevailed in the understanding of reality and practices of the first years of the October Revolution. This found expression in the works of V.I. Lenin, in the socio-political and spiritual atmosphere of revolutionary Russia, which had far-reaching consequences for Soviet society. This phenomenon paved the way for the state-political mythology of Reason and its fetishization, the mystification of science (which, like magic, "can do anything"). These rationalist schematisms penetrated deeply into all forms of mass consciousness and gave rise to the cult of Reason, on the basis of which all spheres of life of Soviet society were supposed to be transformed.

Keywords: early Soviet period, enlightenment rationalism, mass consciousness

Acknowledgements and Funding: The article was prepared with the support of RFBR grant No. 21-011-43023 "The official discourse of the Russian policy of memory of the Soviet past: interpretation strategies, actors, commemorative practices."

For citation: Rusakova, Olga, and Rusakov, Vasilii. "Soviet Power plus Rationalization of the Whole Country: Creating the Kingdom of Reason." *RUDN Journal of Russian History* 21, no. 4 (November 2022): 452–468. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2022-21-4-452-468>

Введение

Обращаясь к истории возникновения советского общества, исследователи сталкиваются с необходимостью тщательного изучения духовно-идеологических контекстов, в которых рождалось новое общество, для чего столь же необходим адекватный методологический инструментарий, о чем справедливо пишут зарубежные и отечественные авторы¹. Одной из таких фундаментальных проблем, в контексте анализа которой мы адекватно можем понять целый мощный пласт политики и культуры отечественной истории советского периода является проблема сущности и соотношения категорий рациональное и иррациональное в классическом марксизме, ставшая мировоззренческой основой социальной революции и строительства социалистического общества в России. Данная проблема в той или иной степени получила свое освещение в ряде работ современных исследователей².

Проблема рациональности, как подчеркнула в своей книге П.П. Гайденко, одна из самых актуальных: «С самого начала надо сказать, что вопрос о природе рациональности – не чисто теоретический, но прежде всего жизненно-практический вопрос. Индустриальная цивилизация – это цивилизация рациональная, ключевую роль в ней играет наука, стимулирующая развитие новых технологий. И актуальность проблемы рациональности вызвана возрастающим беспокойством о судьбе современной цивилизации в целом, не говоря уже о дальнейших перспективах развития науки и техники. Кризисы, порожденные технотронной цивилизацией, и прежде всего экологический, – вот что в конечном счете стоит за столь широким интересом к проблеме рациональности»³.

¹ См.: *Ассман А.* Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017; *Машнова О.Ю.* Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности. М., 2015; *Методологические вопросы изучения политики памяти.* сб. научн. тр. / под ред. А.И. Миллер, Д.В. Ефременко. М., СПб., 2018.; *Поршинева О.С.* Исследование политики памяти: к преодолению методологической дихотомии (на примере Первой мировой войны) // *Дискурс-Пи*. 2020. № 2 (39). С. 128–141.

² См.: *Автономова Н.С.* Рассудок, разум, рациональность. М., 1988; *Касавин И.Т., Сокулер З.А.* Рациональность в познании и практике. Критический очерк. М., 1989; *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры: Традиция и современность. М., 2003; *Рациональность как предмет философского исследования.* М., 1995; *Патнем Х.* Разум, истина и история. М., 2002.; *Русаков В.М., Русакова О.Ф.* Проблема и категории рационального и иррационального в классическом марксизме // *Дискурсология: методология, теория, практика* 2018. № 11. С. 190–222.

³ *Гайденко П.П.* Научная рациональность и философский разум. М., 2003. С. 8.

Постановка проблемы рациональности в XVII – XX вв. прошла длительную и весьма интенсивную эволюцию – от рационалистической метафизики XVII в. с ее внеисторическим представлением о Разуме как силе, действующей не только в уме индивида, но и в объективном мире, – до философии науки XX в. с ее представлениями о плюрализме исторически сменяющихся друг друга форм рациональности. Сформировалась идея отказа от сведения рациональности к научной рациональности и перехода к новому ее типу, что порождало исследования различий классического и неклассического типов рациональности⁴.

Историография проблемы рациональности отмечена постоянными попытками прояснения сущности и взаимосвязи рациональности и ее противоположности – иррациональности, стремлением сформулировать некоторые фундаментальные свойства, присущие рациональности, поскольку, по мнению М. Хоркхаймера,

Прогресс, связанный с рационализацией, – так как он понимается и осуществляется в нашей цивилизации, – <...> обнаруживает тенденцию к забвению самой сущности разума, именем которого этот прогресс освящен⁵.

Убеждение в том, что проблема рациональности вовсе не есть только проблема сознания и познания, т. е. гносеологии, а глубоко практическая (практической философии, практического разума), также становится общим местом множества исследований⁶, связывающих рациональное регулирование общества с возвращением к плановой экономике. Значительный этап в изучении рациональности (например, ее границ⁷ связан с теорией рационального выбора, в частности – рационального общественного выбора⁸. Но все это еще предстояло пройти нескольким поколениям исследователей.

Целью нашего исследования выступает анализ рационалистических представлений о преобразовании общества в первые годы Советской власти. Они сформировались в рамках марксистской идеологии, которой руководствовалась партия большевиков во главе с ее лидером – В.И. Лениным, попытавшимся придать новый импульс развитию марксизма в новых исторических условиях.

Предыстория вопроса

Идея о том, что человеческое общество должно быть преобразовано на основе принципов Разума, становится господствующей в эпоху Просвещения. Ф. Энгельс так резюмировал это движение:

Великие люди, которые во Франции просвещали головы для приближающейся революции, сами выступали крайне революционно. Никаких внешних авторитетов какого бы то ни было рода они не признавали. Религия, понимание природы, общество, государственный строй – все было подвергнуто самой беспощадной критике; все должно было предстать перед судом разума и либо оправдать свое существование, либо отказаться от него. Мыслящий рассудок стал единственным мерилом всего существующего. Это было время, когда, по выражению Гегеля, мир был поставлен на голову, сначала в том смысле, что человеческая голова и те положения, которые она открывала посредством своего мышления, выступили с требованием, чтобы их признали основой всех человеческих действий и общественных отношений, а затем и в том более широком смысле, что действительность, противоречившая этим положениям, была фактически перевернута сверху

⁴ Мамардашвили М. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 2004; Рациональность в действии. М., 2010. С. 11–13.

⁵ Хоркхаймер М. Затмение разума. К критике инструментального разума. М., 2011. С. 5–6.

⁶ Fondou Guillaume. *Une théorie marxiste de la planification est-elle possible? // La planification aujourd'hui*. Actuel Marx. 2019. № 65. P. 13–25.

⁷ Dupuy Jean-Pierre et Livet Pierre. *Les limites de la rationalité*. Paris, 1997. Vol. 1.

⁸ Бьюкенен Дж., Таллок Г. Расчет согласия // Сочинения / Дж. Бьюкенен. М., 1997. Т. 1. Гл. 4.

донизу. Все прежние формы общества и государства, все традиционные представления были признаны неразумными и отброшены как старый хлам; мир до сих пор руководился одними предрассудками и все прошлое достойно лишь сожаления и презрения⁹.

Однако классический марксизм позиционировал себя не просто в качестве наследника прогрессивной линии идеологии Просвещения, но и в качестве силы, преодолевающей ее ограниченность. Заявленная основоположниками марксизма радикальная смена самого способа философствования требовала ревизии всего комплекса философских понятий и категорий, что выливалось в изменение отношения к традиционным, доставшимся в наследство от прошлого, дилеммам – чувственное и рациональное, рациональное и иррациональное и т.п. Наряду с выдвиганием новых категорий (общественно-экономическая формация, производительные силы и производственные отношения, способ производства, базис и надстройка и т.п.) надо было «переформулировать» содержание старых категорий (материя, сознание, субъект, объект, сущность, явление и т.п.).

Было очевидно, что дилемма рационального и иррационального, до предела заостренная рационализмом и иррационализмом, была, с этой точки зрения, несовершенным выражением реальной проблемы, которую предшественники в лучшем случае только поставили. Еще Ф. Энгельс говорил о необходимости создать рациональную диалектику, демистифицировав положительное ядро гегелевской диалектики¹⁰. Употребление К. Марксом категорий рациональное и иррациональное в «Капитале» показывало стремление фундаментально размежеваться с просветительской традицией¹¹.

Все это В.И. Ленин застает в виде нереализованных тенденций, более или менее ясно артикулированных указаний. В ленинизм прочно входит связка: рациональное понимание сущности (природы, общества, мышления) – демистификация и дефетишизация их – разумный контроль над ними как форма господства над стихийностью социальных связей. Данная тенденция прослеживалась в учении Маркса и Энгельса, которые связывали построение нового коммунистического общества с демистификацией общественных связей и отношений и уничтожением отчуждения и овещствления. Новое царство свободы должно было стать не просто царством разума (в духе прежних рационалистических просветительских представлений), а царством «ассоциированных производителей», разумно контролирующих свое общественное бытие.

Все указанные в связке категории носили фундаментальный характер и требовали адекватной для практического применения артикуляции. Кроме того, нельзя забывать и о том, что не все работы К. Маркса были известны. Потребности повседневной политической борьбы в выработке программ по формированию субъекта революционных преобразований отягощали решение проблемы.

Анализируя работы В.И. Ленина и других создателей и руководителей Советского государства, необходимо раскрыть, насколько фундаментальные идеи марксизма о рациональном переустройстве общества в процессе социалистической революции оказались воплощены в практике строительства социализма в России.

⁹ Энгельс Ф. Анти-Дюринг // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 16.

¹⁰ Там же. Т. 20. С. 372.

¹¹ Русаков В. Второе крушение царства разума. Проблема рационального и иррационального в современной философии. Приложение: Предметный указатель по категориям рациональное и иррациональное и взаимосвязанным с ними в «Капитале» К. Маркса. Соч. 2-е изд. Екатеринбург, 1998. Т. 23, 24, 25, 26. С. 172–173.

Теория и практика разумного преобразования общества

1. Исходные основания

Разум революционных масс должен был творить разумно организованное общество. Такова была общая идея. Но что должно было означать «разумно организованное»?

Выдвинутый Марксом коммунистический идеал разумно организованного общества в самом общем виде звучал так:

Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем¹².

Неоднократно возвращаясь к этой идее, К. Маркс пытался максимально раскрыть ее содержание:

Коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль <...>, совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей¹³.

Ф. Энгельс также предпринимает попытку конкретизировать эту идею:

Условия жизни, окружавшие людей и до сих пор над ними господствовавшие, теперь попадают под власть и контроль людей, которые впервые становятся действительными и сознательными повелителями природы, потому что они становятся господами своего собственного объединения в общество. Законы их собственных общественных действий, противостоящие им до сих пор как чуждые господствующие над ними законы природы, будут применяться людьми с полным знанием дела и тем самым будут подчинены их господству. То объединение людей в общество, которое противостояло им до сих пор как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным свободным делом. Объективные чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, поступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут вполне сознательно творить свою историю сами, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей мере и те следствия, которых они желают¹⁴.

Таковы были в общих чертах исходные теоретико-методологические основания социально-политических преобразований, которые были известны русским большевикам. И они настоятельно подчеркивали тот факт, что новые социально-экономические и политические отношения необходимо создавать в процессе сознательной целенаправленной работы, поскольку в отличие от буржуазного новый общественный строй в недрах предшествующего стихийно не возникает. Складываются только материальные предпосылки.

Отсюда вытекала одна из главных идей. Ленин писал перед приходом большевиков к власти:

Учет и контроль – вот главное, что требуется для наложения правильного функционирования первой фазы коммунистического общества¹⁵.

Более того, учет и контроль он рассматривает как сущность социализма¹⁶. Далее он поясняет их значение:

¹² Маркс К. Капитал // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. 2-е изд. М., 1961. Т. 24. С. 90.

¹³ Там же. Т. 25. Ч. 2. С. 386–387.

¹⁴ Там же. Т. 20. С. 295.

¹⁵ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 33. С. 101.

¹⁶ Там же. С. 97.

Учет и контроль, если они производятся Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов как верховной государственной властью, или по указанию, по полномочию этой власти, – учет и контроль повсеместный, всеобщий, универсальный <...> – в этом суть социалистического преобразования...¹⁷

Как видим, «разум масс» начинает обретать плоть в виде государственной власти особого типа – массовых представительных организации. Начинается, таким образом, крайне сложный и рискованный путь нисхождения с высот теоретической идеи-схемы в гущу эмпирических феноменов политической организации и борьбы, – рискованный, потому что возможные недоговоренности, неясности в исходной схеме неизбежно выплывут на свет. А недоговоренностей и непроясненностей исходных оснований нового понимания разума и рациональности проблем было более чем достаточно.

Идея всенародно организованного планомерного и сознательно осуществляемого со стороны теперь уже не просто «ассоциированных производителей» (Маркс)¹⁸, а невиданной формой государственной власти в виде «советов» была положена Лениным в основу рационального переустройства общества:

Социалистическое государство может возникнуть лишь как сеть производительно-потребительских коммун, добросовестно учитывающих свое производство и потребление, экономящих труд, повышающих неуклонно его производительность...¹⁹

Это была старая социалистическая идея, возникшая еще в рамках утопического социализма Ш. Фурье, А. Сен-Симона и Р. Оуэна, М. Бакунина, П. Кропоткина и др.

2. Модификация исходных оснований

Вдумаемся в эволюцию представлений о разумности: классический рационализм помещал источник разума в некий «естественный свет», свойственный каждому нормальному человеку, и тем вступал в противоречие – поскольку еще классическая немецкая философия указывала, что рассудочное сознание не может постичь парадоксальность научных истин. Рассудок, в отличие от разума, сводит все дело к формально-логической правильности, непротиворечивости, в крайнем случае – к полезности и эффективности. Маркс же делал упор на сознательном контроле над способом деятельности.

Ленин акцент сдвигает на массовость, универсальность, всеохватность контроля и особенные свойства носителя: революционные массы, трудящиеся. Иными словами, все дело должен решить революционный инстинкт масс, что является носителем и критерием разумности в последней инстанции, а советы (организация представителей) выступают выразителями его – такова теперь схема. Но зазор в переходах от одного элемента к другому, та самая недоговоренность, уже возникла. Разумность действий масс обеспечивается всеобщностью универсальных законов, на основании которых строится их действие и гарантируется единством всеобщего интереса, их объединяющего.

Вместе с переходом к абстрактно-индивидуальным определениям носителя рациональности и критериев ее возникают и специфические вопросы: ведь согласно идее Маркса ассоциированные производители должны взять под контроль все условия объединения людей в общество. Это подчеркивалось неоднократно. Но *все* фун-

¹⁷ Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 199–200.

¹⁸ О сложности и разнообразии подходов русской социалистической мысли к определению того, что следует понимать под «элементарными ячейками» социалистического общества наглядное представление дают, например, работы М. Бакунина, П. Кропоткина.

¹⁹ Ленин В.И. Очередные задачи советской власти // Полн. собр. соч. М., 1974. Т. 36. С. 185.

даментальные устои жизни человека как социального существа возможно ли охватить? Скорее всего, ни Маркс, ни Энгельс, конечно, не знали доподлинно, в каком это виде возможно и осуществимо (не случайно идея конкретизировалась тезисом о контроле над «способом жизнедеятельности»). Ленин тоже не очень отчетливо представлял это себе, говоря о всеобщем, всепроникающем учете и контроле. Но логика государственно-политического управления и политической борьбы требовала полной определенности (вплоть до непосредственной институционализации).

Кроме того, делая упор на то, что разум масс реализуется в их революционном творчестве, нельзя было не видеть, что «разум масс» оказался силен в деле слома («весь мир насилья мы разрушим»), и весьма спорными оказались его способности в создании того, что с уверенностью и энтузиазмом провозглашалось в теории. В конце XIX – начале XX в. в социально-гуманитарном знании достаточно хорошо представлялись границы и пороки массового сознания (Г. Лебон).

Первоначальные поиски Лениным форм адекватного воплощения разумного способа организации жизни общества показывают всю сложность и трудность преодоления именно стихийно *рационалистических* первооснов понимания разумности и рациональности, вырвавшихся из устоев капиталистической индустриальной цивилизации.

Революционное преобразование общества шло под лозунгом превращения человека труда в подлинного хозяина своей судьбы, субъекта исторического процесса. Но нужен был механизм осуществления этого.

Организация учета, контроль над крупнейшими предприятиями, превращение государственного экономического механизма в единую крупную машину, – писал В.И. Ленин, отмечая особенности нового способа общественной жизнедеятельности, – в хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководствовались одним планом, – вот та гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи²⁰.

Во всей этой работе он видит, прежде всего, задачу обеспечения победы сознательного планомерного начала:

Борьба за *внедрение* в массы идеи Советского *государственного* контроля и учета <...> – эта борьба и есть величайшая, имеющая всемирно-историческое значение, борьба социалистической сознательности против буржуазно-анархической стихийности²¹.

Обратим внимание на то, что, видимо, разума самих масс для этого недостаточно (приходится *внедрять*). И еще одна существенная деталь заключалась в том, что подразумевался государственный контроль. Такие разные вещи как *разум масс* и *воля государства* незаметно отождествляются; все последствия такого отождествления вскоре проявятся.

В ленинских работах первых лет Советской власти мы постоянно сталкиваемся с попытками как можно более конкретно определить, сформулировать и разработать в деталях как предполагаемую «свободную ассоциацию производителей», так и механизм контроля. Первоначально крайне расплывчато представлялось это в виде неких «потребительско-сбытовых коммун», ячеек по месту жительства и т.п. В то же время в «Наброске плана научно-технических работ» В.И. Ленин пишет:

рациональное *размещение* промышленности в России с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда <...> Рациональное, с точки зрения новейшей наиболее крупной промышленности и особенно трестов, слияние и сосредоточение производства в немногих крупнейших предприятиях²².

²⁰ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 7.

²¹ Ленин В.И. Доклад об очередных задачах Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 185.

²² Ленин В.И. Набросок плана научно-технических работ // Полн. собр. соч. С. 228.

Но мы помним его мысль о том, что капиталистическая организация труда несовместима с рациональностью, а в этих рассуждениях пока нет ничего такого, что было бы сверх упорядоченности, организованности и эффективности, *обеспечиваемыми трестами и корпорациями*. Интенсивно проводится мысль, что

ни одно изделие, ни один фунт хлеба не должен находиться вне учета, ибо социализм – это, прежде всего, учет²³.

В разных вариантах настойчиво подчеркивается, что все общество будет «одной конторой и одной фабрикой» с равенством труда и равенством платы²⁴, что

всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма²⁵.

Как это возможно? Ведь это есть, в сущности, лапласовский взгляд на социально-экономическую вселенную: задать с предельной однозначностью и точностью исходные условия, чтобы вычислить любое наперед заданное состояние! Причем заметим характерную деталь: контроль мыслится прямой, непосредственный, а не опосредствованный, скажем – финансовыми, рыночными рычагами. Не забываем, что К. Маркс писал:

Не может быть ничего ошибочнее и нелепее, нежели на основе меновой стоимости и денег предполагать контроль объединенных индивидов над их совокупным производством²⁶.

Такой же подход диктуют ленинские директивы:

всего более нужна стройная, крепкая организация, а может быть, действительно миллионы людей, работающих с правильностью часового механизма²⁷;
организуйтесь до последнего человека, организуйте учет над производством, организуйте учет и контроль над потреблением²⁸.

Совершенно очевидно, что в основе подобных представлений могут лежать лишь типично рационалистические просветительские представления, где рациональность понимается как всеобщая калькулируемость и исчислимость, соизмеримость всего и вся, логически приводящие ко всеобщему, а, следовательно, по необходимости – формальному равенству (что было неприемлемо в марксистской традиции).

Поэтому всеобщая соизмеримость не могла быть отдана на «откуп» стихии рынка:

Каждый член общества, выполняя известную долю общественно-необходимой работы, получает удостоверение от общества, что он такое-то количество работы отработал. По этому удостоверению он получает из общественных складов предметов потребления соответствующее количество продуктов...²⁹

Звучит все это как цитата из «Утопии» Т. Мора, которая, как известно, имела название более длинное – «Книга, столь же полезная, сколь и забавная...». Позднее В.И. Ленин скажет, оценивая этот период:

²³ Ленин В.И. Как организовать соревнование? // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 57.

²⁴ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

²⁵ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 155.

²⁶ Марк К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1946. Т. 46. Ч. 1. С. 101–102.

²⁷ Ленин В.И. Первоначальный вариант статьи «Очередные задачи Советской власти» // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 155.

²⁸ Ленин В.И. Очередные задачи Советской власти // Полн. собр. соч. Т. 36. С. 263.

²⁹ Ленин В.И. Государство и революция // Полн. собр. соч. Т. 33. С. 92.

Мы сделали ту ошибку, что решили произвести непосредственный переход к коммунистическому производству и распределению <...> полагая, что без периода социалистического учета и контроля подойти хотя бы к низшей ступени коммунизма нельзя³⁰.

Первоначальные поиски Лениным форм адекватного воплощения разумного способа организации жизни общества показывают всю сложность и трудность преодоления именно стихийно рационалистических первооснов понимания разумности и рациональности.

Лапласовский характер («железный детерминизм») претензий на универсальность учета всех условий создавал фантастические трудности на уровне практики государственного управления: Ленин, будучи председателем Совнаркома, постоянно жалуется на то, что высшая исполнительная власть тонет в океане бесчисленных мелочей, что «заедает текучка», мешающая видеть общее. В последние годы его жизни эти жалобы становятся все более настойчивыми, и он начинал впадать в ярость по поводу «волокиты», «головотяпства», неисполнительности и непродуктивности работы контрольных органов госаппарата.

Н.Н. Бухарин вынужден был заметить:

мы строим контроль над контролем, и они исправляют 10 %, а прожирают 20, 30, 50; поэтому такой контроль представляет колоссальный балласт на всем советском организме... Мы создаем одни контрольные функции над другими, контроль в квадрате, контроль в кубе и в конце концов всюду стоит контроль, и в то же самое время воровство существует...³¹

Идеи всепроникающего универсального контроля, не оставляющего без своего внимания ни одного темного уголка жизни, становятся пафосом времени. На рациональных началах стремятся реорганизовать не только «Рабкрин», но и быт («дома нового быта»), питание («Общепит»), брак и семью, наконец, – природу. Более того, провозглашается необходимость «выведения» новой породы людей, создаются новые педагогические системы, нацеленные на формирование человека будущего коммунистического общества: толпы пилигримов устремляются в колонию имени Ф.Э. Дзержинского, где великий А. Макаренко производит «перековку» малолетних преступников и беспризорников в граждан нового мира.

Ученые, политики, поэты наперебой стали превозносить силу науки и научного планирования. А.А. Богданов в работе «Идеал и путь» писал:

Что видели в социализме до сих пор? Революцию собственности, смену хозяина в обществе – дело классового интереса и материальной силы масс. Что следует видеть в нем? Творческую революцию мировой культуры, смену стихийного образования и борьбы социальных форм их сознательным созиданием...³²

Как он это представлял себе?

Потребуется на пространстве во много миллионов квадратных верст, – поясняет ученый голосом оракула, – между сотнями миллионов разнообразнейших рабочих сил целесообразно распределить миллиарды разнородных орудий и сотни миллиардов пудов всевозможных материалов, а также и жизненных средств, так, чтобы все потребности производства и работников полностью удовлетворялись, а продукты каждой отрасли своевременно доставлялись всюду, где они должны быть применены в труде или потреблении. Разумеется, только научным путем мыслимо осуществить все это³³.

³⁰ Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов. Доклад на II Всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Полн. собр. соч. Т. 44. С. 157–158.

³¹ Бухарин, Н.И. Производственная пропаганда // Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988. С. 312.

³² Богданов А.А. Идеал и путь // Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 349.

³³ Богданов А.А. Социализм науки // Вопросы социализма: Работы разных лет. М., 1990. С. 371.

Реализации этих идей А.А. Богданов посвятил свое творчество, в том числе свою работу «Тектология», где он предпринял попытку конкретизировать представления о едином народнохозяйственном плане:

Какое хозяйство может быть названо планомерным? Такое, в котором все части стройно согласованы на основе единого, методически выработанного хозяйственного плана. Как же следует приступать к решению этой задачи, беспрецедентной по масштабу и по своим трудностям? Принципы могут быть установлены лишь с научно-организационной точки зрения³⁴.

Применение научного, планового подхода к процессам производства и распределения продуктов, согласно большевикам, позволяет рационализировать и проконтролировать их протекание со стороны трудящихся масс, сужая тем самым пространство стихийно-рыночных, плохо управляемых отношений производства и обмена. Н.И. Бухарин следующим образом поясняет свое видение данной проблемы:

Этой структуре (капитализму. – О.Р., В.Р.) противостоит новая складывающаяся структура социализма с ее плановым принципом, с превращением стихийной закономерности в закономерность сознательную, с ростом действительной рационализации всего общественного механизма, со все большим сужением стихийно-рыночных отношений, со все большим вовлечением массы... в дело реального управления производством, с совершенно новой ролью людского массива в самом процессе производства, с собранным кулаком хозяйственных сил на мировом рынке <...> Это противопоставление разных хозяйственных систем получает свое замечательно яркое выражение в противопоставлении разгула стихийного кризиса разумному строительству пятилетки³⁵.

3. Неизбежные следствия

В этом плане духовная атмосфера данного исторического периода в некоторых чертах весьма напоминала эпоху Великой французской революции не только тем, что на нее ссылались, ее цитировали, ее копировали. Беспощадная критика всех прежних порядков («Ancien régime») воодушевлялась верой во вселенское торжество Разума, что, в частности, выразилось в создании в тот период во Франции весьма искусственного культа Верховного разумного существа и переименовании церквей в «Храмы разума»³⁶.

Нечто аналогичное царило в умах идеологов Русской революции 1917 г. Выдающиеся умы и величайшие способности были поставлены на службу преобразования России, которое понималось именно как утверждение разумных начал во всем, а носителем и воплощением разумности выступала наука. Ученые, политики, поэты наперебой превозносили науку.

Духовную атмосферу советского общества пронизывали токи высокого напряжения, полюсами выступали «разумное» (научное, рациональное, сознательное, планомерное и т. п.) и «неразумное» (стихийное, бессознательное), наделяемые абсолютными ценностными характеристиками.

Поэты наперебой пели славу всепобеждающему разуму, которому прочат вселенские победы. Велимир Хлебников в своем «Воззвании Председателей Земного Шара», в частности, писал:

Мы также хладнокровно относимся к замене ваших государств научно построенным человечеством, как к замене липового лаптя зеркальным заревом поезда <...> Жало мирового разума <...> будет настойчиво жалить все новые места косности и застоя³⁷.

Как в годы Великой французской революции формировался культ Высшего Разумного Существа, так и в Советской России формировался духовно-политический

³⁴ Богданов А.А. Тектология. Всеобщая организационная наука: в 2-х кн. М., 1989. Кн. 2. С. 274.

³⁵ Бухарин, Н.И. Борьба двух миров и задачи науки // Избранные труды... С. 31–32.

³⁶ Aulard F.-A. Le culte de la Raison et le culte de L' Etre Supreme. Essai historique. Paris, 1892. P. 199–204.

³⁷ Велимир Хлебников. Творения. М., 1986. С. 613, 616.

культ Разума. К трехлетней годовщине Октябрьской революции в Петрограде группой талантливых художников (Н. Евреинов, А. Кугель, Н. Петров, К. Державин, Ю. Анненков, Д. Темкин) было поставлено грандиозное «действие», беспрецедентный спектакль под открытым небом – «Взятие Зимнего дворца», где были задействованы 8 тыс. чел. статистов, оркестр в 500 чел. и в довершение всего палила из исторической пушки «Аврора», поставленная в то же самое место, где она стояла 25 октября 1917 г. Ю. Анненков писал об этом:

Русская революция, голодная и беспаспояная, впаляла новое могучее звено в цепь спектаклей под открытым небом, искусство, где участвуют многочисленные массы и где именно количество создает форму зрелища; цепь, восходящая к далеким векам, к средневековым мистериям, к санкилотским празднествам в честь Федерации, Конституции, Разума и Высшего Существа³⁸.

В этой мистерии, как в зеркале, отражались важнейшие рационалистические схематизмы массовых представлений о сути рациональности: Разум революции по своему повелению мог воспроизводить любое историческое событие с несокрушимой уверенностью, что он-то воспроизводит его доподлинно, именно так, «как это было на самом деле» и с точки зрения сущности, а не случайных преходящих деталей или наблюдателей.

А тут уже крылась прямая возможность – пересоздать события заново.

Выдающаяся личность этого периода А.К. Гастев – организатор Института Труда, создатель своеобразной поэзии «рабочего удара», проповедовал радикальное преобразование всех видов человеческой деятельности на основе их рационализации. Смысл этой рационализации (по сути, в духе Э. Тейлора) заключался в том, чтобы разложить каждое движение работника на исходные «первокирпичики», первоэлементы, а затем отсеять все лишнее, бесполезное и неэффективное, воссоздав конечный продукт как рациональное производительное действие. Все способы трудовой деятельности должны были быть просвечены лучом разумно-критического анализа и, как говаривал Гегель – либо оправдать свое право на существование, либо быть отброшены как старый хлам! Более того, целым рядом политических деятелей (Л.Д. Троцкий³⁹) и ученых (Л.С. Выготский⁴⁰) провозглашается необходимость «выведения» новой породы людей.

Как видим, расцвет рационалистической мифологии был разнообразным в своих формах и проявлениях. Политика военного коммунизма всколыхнула массовое утопическое сознание, зараженное рассудочной рациональностью: мир теоретического рационализма (рационалистическая мифология Разума) замкнулся на адекватную себе социальную и социально-психологическую почву. Но такое вольное или невольное заигрывание с мифом, скажет позднее Т. Манн, весьма опасно. Причем, опасно заигрывание не только с мифом расы, почвы и крови, но и с мифом «Царства Разума».

Эти опасности многие прозорливые умы смогли разглядеть. Как реакция на рационалистические утопии появляются литературные антиутопии, в художественной форме рисующие возможные губительные последствия реализации на деле мифологии Разума. Е.И. Замятин в своем романе «Мы» одним из первых указал на это, в связи с чем Ю.П. Анненков заметил о писателе:

Будучи инженером-кораблестроителем, то есть человеком, привыкшим к общению с миром непогрешимых, заранее предначертанных схем, он не страдал, однако, «детской болезнью» обожествления схематики, и поэтому Замятину становилось все труднее жить в условиях советского режима, построенного на «плановости» и рационализации. Замятин утверждал, что

³⁸ Анненков Ю. Дневники моих встреч. М., 1991. Ч. 2. С. 121–122.

³⁹ Троцкий Л.Д. Литература и революция. М., 1991. С. 194–197.

⁴⁰ Выготский Л.С. Социалистическая перделка человека // Человек. 2019. № 4. С. 122–131.

человеческую жизнь, жизнь человечества нельзя искусственно перестраивать по программам и чертежам, потому что в человеке, кроме его материальных, физических свойств и потребностей, имеется еще иррациональное начало, не поддающееся ни точной дозировке, ни точному учету, вследствие чего, рано или поздно, схемы и чертежи окажутся взорванными, что история человечества доказывала множество раз⁴¹.

Институционализация парадигмы рациональности

История советского общества очень быстро стала подтверждать самые печальные опасения. Социально-политическая институционализация всех элементов просветительской парадигмы рациональности (всеобщий универсальный непосредственный контроль) привела к появлению единственной теории этого процесса – «вечно живого и всепобеждающего» учения и единственного носителя этого сознания – «партии нового типа» (которая предстала как «ум, честь и совесть эпохи»), а также к появлению всеобщего государственно-политического контроля за всеми сторонами жизнедеятельности общества.

В.С. Швырев справедливо отметил:

Если угодно, можно говорить о существовании в нашем обществе своего рода официозного сциентизма, который составлял часть господствующей идеологии. Конечно, реально эта идеология была весьма далека от подлинного духа научности с его критичностью и признанием приоритета реальности перед иллюзиями и мифами. Однако она пыталась выступать от имени науки и одно это принуждало ее прокламировать последнюю как официальную идеологическую ценность. В этом отличие коммунистической идеологии от тоталитаристской идеологии нацистско-фашистского, расистско-шовинистического, религиозно-фундаменталистского и т.п. типов, которые не заигрывали с идеалами рациональности и научности, предпочитая откровенно опираться на иррациональные факторы сознания. Принципиально важно, однако, то, что такое перерождение рациональности определяется не только внешними социальными факторами, здесь реализуются некоторые возможности, заложенные в самой природе рационального знания⁴².

Явный и неявный спор марксизма с классической традицией просветительского рационализма лежит в основе того, что получилось в итоге такой институционализации советской рациональности: явным образом марксизм еще устами основоположников заявил о разрыве с классикой, который касался фундаментальных категорий сознания, разума, человека. Марксизм в его советском варианте (марксизм-ленинизм) утверждал революционный разрыв («переворот») со всей предшествующей философской традицией именно в точке рационализма, идеализма, метафизики. В то же время Ленин в своих «Философских тетрадах», реально взвешивая ситуацию, должен был констатировать, что предстоит еще решить задачу огромного объема: произвести пересмотр содержания всего философского знания, освободив его от наслоений архаического свойства, произвести переформулировку категориально-понятийного аппарата и содержания традиционных философских проблем. Однако чем дальше, тем больше было видно, что задача эта не может быть решена ни революционным натиском, ни «парой фокуснических фраз», а является делом длительным, сложным и далеко не простым. Ленин подчеркивал, что отрицание должно быть конструктивным, ибо «идеализм есть чепуха лишь для материализма глупого, метафизического»⁴³.

Обнаружилось, что содержание, вкладываемое в целый ряд традиционных понятий и проблем в марксистской литературе, остается непересмотренным (например, понятия чувственного и рационального, абстрактного и конкретного и др.⁴⁴).

⁴¹ Анненков Ю.П. Дневники моих встреч. М., 1991. Ч. 2. С. 256.

⁴² Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 92.

⁴³ Ленин В.И. Полн. собр. соч... Т. 29. С. 322.

⁴⁴ Ильенков Э. Диалектическая логика. М., 1978. С. 216.

Но обнаружилось и стало осознаться все это потом, позднее: что рационалистические схематизмы – это универсальная соизмеримость и выразимость, формально-логическая правильность, всеобщий и универсальный контроль, как средство рационализации – все это исторически ограниченные формы представления реальной глубокой проблемы: что есть разум и рациональность?

Тем не менее все эти схематизмы оказались положенными в основания государственно-политического механизма и были предпосылкой превращения советского общества в «рациональную иррациональность». 3. Бжезинский подметил особенности такой подмены, указав, что

...история уже более не была бы просто спонтанным, преимущественно случайным процессом, но стала бы орудием коллективного разума человечества и служила бы моральным целям. Таким образом, коммунизм домогался слияния, посредством организованных действий, политической рациональности с общественной моралью. Но на практике, чрезмерная вера в человеческий разум, сложность очень острой борьбы за власть привели к переводу предварительных исторических суждений в разряд догматических утверждений, тяготение морализирования к вырождению в самодовольную политическую ненависть...⁴⁵

В то же время не стоит огрублять и примитивизировать реальную сложную картину, как это довольно часто делается. Надо учитывать и сложность вечной философской проблемы, и то мощное воздействие предложенной марксизмом идеи «разумного переустройства» общества.

Во-первых, впечатляла заявленная тотальная калькулируемость всего и вся, закладываемая в исследования, проекты, размышления и планы практических действий. В сущности, это есть всеобщая соизмеримость всего, выразимость и исчислимость. Открывались, на первый взгляд, фантастические возможности: пятилетние планы экономического развития громадной страны, поразительные победы передовиков, рационально организующих свой труд, выдающиеся рекорды спортсменов и летчиков, заранее просчитывающих фундамент успеха, переделка социальной структуры, ландшафта, климата, наконец, самого человека!

Формами подготовки и проявления такой всеобщей калькулируемости выступили всеобщее просвещение населения, понимаемое как преобразование сознания на чисто рациональных началах: наполнение его рационально-научными сведениями и научение рационально-контролируемым процедурам. Сознание должно пройти процедуры очищения от всего внерационального, неясного, темного (например, основанного на бессознательных импульсах, чувствах, вере, интуиции). Объявлялась с этой точки зрения настоящая война различного рода предрассудкам, заблуждениям и невежеству. Но тут же объявлялась совершенно необходимой вера в конечное торжество определенных идей, лозунгов, программ. Необходимы были коллективистские чувства долга перед обществом, любви к Родине и т.п. Чувства и верования допускались в сфере и размерах сознательной контролируемости.

Во-вторых, впечатляющей формой калькулируемости выступил всепроникающий универсальный *контроль*, означавший информированность обо всем и всеобщую зарегулированность: от рождаемости и производства продовольствия до регулирования уличного движения, стока сибирских рек, климата и т.п. Человек с младенческого возраста приучался к различным формам контроля – экономического, политического, идеологического, административного, психологического. Это считалось нормой, и каждый должен был принимать участие хотя бы в малой доле контрольных функций. Знать сущность всего могли только партия, вождь, государство. Универсальной палочкой-выручалочкой мыслилась во всех этих процедурах наука, официальное пре-

⁴⁵ Бжезинский З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в 20 веке // Квинтэссенция. Философский альманах. М., 1990. С. 266.

клонение перед которой достигает прямо-таки формы обожествления и фетишизации: наука все может рассчитать, обосновать, открыть и предсказать наперед (вопрос лишь в наличии чисто экстенсивных факторов – времени, сил, энергии).

Начинается рационалистическое конструирование и переделка окружающей среды: рациональное питание, рациональная организация труда, рационально организованный отдых, рационально организуются быт, жилье, воспитание детей. Воистину, было провозглашено, что все действительное в советском обществе – разумно, а все разумное – в нем обязательно будет осуществлено.

Очень скоро эйфория ожидания рационалистических чудес уступит место систематически организованной и планомерно направляемой идеологической обработке населения, дополняемой работой мощного и разветвленного карательного аппарата.

Еще одна причина глубокого воздействия образа осуществленной рациональности состояла в том, что было продемонстрировано единство политической воли и политической власти, с одной стороны, и политического разума – с другой. Ведь со времен века Просвещения был известен коренной порок рационалистического мышления и теоретизирования – отрыв его от практики, от реального практического действия. Представлялось, что просветительский порок наконец-то преодолевался и разум обретал свои органы, наделялся мощью посюстороннего воплощения. Он теперь не в теориях и мечтах, а на деле сметал отжившие порядки, переделывал труд, природу, быт, образ жизни людей. И если в первые годы советской власти заявлялось о том, что все эти рабочие органы (комитеты, советы) есть лишь инструменты коллективного разума масс, то вскоре вполне определенные репрессивные органы стали претендовать на саму роль высшего разума.

Еще одна причина мощного влияния провозглашенной рационализации социальной жизни состояла в соединении политического разума и добра. Ведь Царство Разума в европейской традиции противостоит не только безумию и неразумию, но и царству зла. Рационалистический идеал светоносного разума привлекал социально-этической ориентацией: свет разума не только рассеивает мрак невежества, но помогает победе над социальным злом. Общество постигает «тайну» капиталистической эксплуатации, тайны исторического процесса, осуществляет прогресс. В XX столетии, вновь после века Просвещения, Разум был призван под знамена политической революции, только теперь вместо «естественного света» Разума он стал именоваться «коллективным разумом трудящихся масс», унаследовавшим все лучшее, передовое и прогрессивное. То, что советское общество сыграло в определенный момент роль «всемирной родины трудящихся», к которой тянется все светлое, передовое, разумное, и это дополнительно усиливало его обаяние, что не мог не заметить даже такой ярый противник коммунизма, как З. Бжезинский.

Разумеется, многое из планируемого в первые годы Советской власти существовало лишь в потенции, как более или менее отчетливые тенденции. Но ясно, что были люди, видевшие, куда ведут эти тенденции и пытавшиеся предупредить о них.

Своеобразным заключительным аккордом трагической симфонии Разума в этот короткий период утопических проектов можно считать апокалиптическое отчаяние, пережитое советским обществом в момент смерти Ленина: несомненно, она воспринималась в контексте специфически рационалистической мифологии как смерть самого Разума (здесь типично мифологический ряд отождествлений противоположностей – смерть бессмертного, реальный человек и вселенский разум). Неповторимый колорит этой мифологии ухватывает Н.В. Валентинов в своих записках:

22 января в Горках <...> произведено вскрытие тела, продолжавшееся почти 5 часов. В результате его появился отчет о патологоанатомическом состоянии умершего <...> Все было вскрыто. Ничто не оставлено без анализа. Обо всем и всех изъятиях дан самый детальный отчет <...> Кажется, никогда еще и нигде в мире не представляли умерших правителей страны, царей, королей, и т. д., в таком обнаженном до последней, крайней анатомической степени виде⁴⁶.

Попытавшись беспощадным светом научного анализа высветить все предельно скрытые или тайные уголки даже бранных останков носителя Разума (как бы пытаясь при этом в отчаянной попытке в этой анатомии и химии тела схватить ускользающую тайну Разума), порожденная им государственно-политическая машина (подлинный носитель этого мифологического Разума) тут же совершила парадоксальное деяние: увековечила память о вожде и придала его останкам сакральное значение.

Это был выразительный жест начинавшейся новой эпохи, новой мистерии Разума, который уже однозначно переходил к образу запредельной разумности, высшей рациональности, которая абсолютно точно открывается только компетентным органам. Советское общество превращалось в иррациональную рациональность.

Выводы

В советский период была сделана реальная попытка создания рационалистической модели социалистического государства и общества, основанной на централизованной системе планирования, повсеместного государственного управления и контроля в сферах экономики, науки, здравоохранения, искусства, просвещения, на рационально-педагогических методах воспитания советского человека. Успехи от реализации данной модели были продемонстрированы в ходе проведения социалистической модернизации, в годы Второй мировой и Великой Отечественной войны, в период достижения ядерного паритета между СССР и США, выхода советского человека в Космос. Однако реального «переформулирования» советскими учеными и политическими деятелями классической проблемы сущности и взаимосвязи категорий «рациональное» и «иррациональное», вопреки заявленным намерениям, так и не произошло: просветительский рационализм так и остался непреодоленным в официальной советской философии и идеологии, где продолжали свое существование в мистических форматах различные виды превращенного разума. Представители творческого направления в марксистской философии разрабатывали новейшую проблематику соотношения рационального и иррационального под тяжким цензурным гнетом, на грани обвинений в оппортунизме и угрозы политических репрессий. Объективное рационально-критическое изучение новой социальной реальности резко отступало под напором псевдо-рационалистических «планов» («планы партии – планы народа!»), в которых все более выражались произвольные утопические «хотения» и пожелания политического руководства (всевозможные «догнать и перегнать», «освоение целинных и залежных земель», «повороты рек», «осушений и обводнений» и т. п.).

Фетишизация Разума, характерная для идеологии Просвещения, в советские годы привела к рождению настоящего культа рациональности (в ее примитивной, рассудочной форме), нашедшего выражение во внешнем почитании мистифицированной науки, которой приписывались чудодейственные способности по принципу «Наука может все». Культ рассудочной, а вовсе не диалектико-материалистической рациональности нашел свое выражение в сведении диалектико-материалистического понимания рациональности в ее связи с иррациональностью, к обывательскому отождествлению марксистской философии и науки. Не менее показательным и такое выражение, как определение официальной идеологии советского государства в качестве исключительно научной.

⁴⁶ *Валентинов Н.В.* НЭП и кризис партии после смерти Ленина. М., 1991. С. 142.

Примитивное понимание рациональности как рассудочной, формально-логической правильной деятельности сводилось на практике к успешности и эффективности («рационализация производства»), автоматически приводило к не менее примитивному представлению об иррациональном как о чем-то всего лишь алогичном, абсурдном и, соответственно, неэффективном и пережиточном. Например, таковыми объявлялись все феномены обыденного сознания и религии.

Все это обрекало теорию и практику революционных преобразований на целый ряд тупиков (методологических, мировоззренческих, праксиологических). Так, например, «неподъемными» для данной теории оказались: проблематика научно-технической революции (особенно в таких ее направлениях, как биотехнологии, социальная инженерия, социальная экономика и менеджмент); осмысление и реализация новых антропологических практик для осуществления заявленного гуманистического идеала, связанного с формированием всесторонне и гармонично развитой личности; понимание сути новых трендов и форм общественного развития (постиндустриальное общество, крушение колониальной системы и формирование системы неокOLONIALИЗМА, превращение мировой системы в глобальное цифровое общество).

Мистификациям и трансформациям подверглась вся прежде выстроенная в марксизме связка: рабочий класс («самая революционная сила истории») – коммунистическая партия (его «авангард») – марксистская философия и идеология – марксистская революционная практика («учение Маркса всеильно – потому что оно верно»).

Вместе с тем советскую государственную модель вполне можно воспринимать как некий, пусть не до конца реализованный, но в целом успешный проект «Царства Разума» – «родину всех трудящихся», всего «прогрессивного человечества». В ходе осуществления данного проекта история становления и развития советского общества совершала свое восхождение из мрака невежества и угнетения к вершинам Света, Разума и безграничного Прогресса. Все эти концептуальные конструкции легко обнаруживаются в советской научной и художественной литературе, в архитектуре, монументальной и театральной культуре, искусстве. Это свидетельствует о том, что советский проект «Царства Разума», произведя радикальное и тотальное переозначивание знаково-символического общественного пространства, оставил глубокий, революционный след не только в российском массовом сознании, но и во всей весьма продолжительной истории мировой борьбы за Свет и Свободу Разума.

Поступила в редакцию / Submitted: 13.06.2022

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 19.08.2022

Принята к публикации / Accepted for publication: 15.09.2022

References

- Annenkov, Yu.P. *Dnevnik moikh vstrech. Tsikl tragedii*. In 2 parts. Leningrad: Iskusstvo Publ., 1991 (in Russian).
- Aulard, F.-A. *Le culte de la Raison et le culte de l'Être Supreme (1793–1794): Essai historique*. Paris: Felix Alcan, 1892.
- Avtonomova, N.S. *Rassudok, razum, ratsional'nost'*. Moscow: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. "Sotsializm nauki." *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let*, 360–410. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. "Voprosy sotsializma." *Voprosy sotsializma: Raboty raznykh let*, 295–351. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Bogdanov, A.A. *Tektologiya. Vseobshchaia organizatsionnaia nauka*. Moscow: Ekonomika Publ., 1989 (in Russian).
- Bukharin, N.I. *Izbrannye trudy: Istoriia i organizatsiia nauki i tekhniki*. Leningrad: Nauka Publ., 1988 (in Russian).
- B'yukenen, Dzh., and Tallok, G. "Raschet soglasiia. Logicheskie osnovaniia konstitutsionnoi demokrati." In Dzheims B'yukenen. *Sochineniya*. Vol. 1, 99–105. Moscow: Taurus Publ., 1997 (in Russian).

- Bzhezinskii, Z. “Bol'shoi proval. Agoniia kommunizma.” In *Kvintessentsiia: Filosofskii al'manakh*, 256–277. Moscow: Politizdat Publ., 1990 (in Russian).
- Dupuy, Jean-Pierre, and Livet, Pierre. *Rationalité, éthique et cognition*. Vol. 1 of *Les limites de la rationalité*. Paris, La Découverte, 1997.
- Engels, F. “Anti-Dyuring. V K. Marks i F. Engels.” In *Sochineniia*. Vol. 20, 5–343. Moscow: Politizdat Publ., 1961 (in Russian).
- Fondu, Guillaume (2019). “Une théorie marxiste de la planification est-elle possible? La planification aujourd'hui.” *Actuel Marksism*, no. 65. (2019): 13–25.
- Horkkhajmer, M. *Zatmenie razuma. K kritike instrumental'no-go razuma*. Moscow: Kanon+; Reabilitatsiia Publ., 2011 (in Russian).
- Il'enkov, Ye. *Dialekticheskaia logika*. Moscow: Mysl' Publ., 1978.
- Kasavin, I.T., and Sokuler, Z.A. *Ratsional'nost' v poznanii i praktike. Kriticheskii ocherk*. Moscow: Nauka, 1989 (in Russian).
- Klebnikov, Velimir. *Tvoreniia*, 609–613. Moscow: Sovetskii pisatel' Publ., 1986 (in Russian).
- Lenin, V.I. *Polnoe sobranie sochinenii*. Vol. 3. 29, 33, 35, 36, 44. Moscow: Politizdat Publ., 1974 (in Russian).
- Malinova, O.Yu. “Idei kak nezavisimye peremennye v politicheskikh issledovaniakh: v poiskakh adekvatnoi metodologii.” *Polis. Politicheskie issledovaniia*, no. 3 (2010): 90–99 (in Russian).
- Mamardashvili, M. *Klassicheskii i neklassicheskii idealy ratsional'nosti*. Moscow: Azbuka-AttikuS; AZBUKA Publ., 2010 (in Russian).
- Marks, K. “Kritika politicheskoi ekonomii (chernovoi nabrosok 1857–1858 godov).” In K. Marks, and F. Engels. *Sochineniia*. Vol. 46, part 1, 51–184. Moscow: Politizdat Publ., 1968 (in Russian).
- Miller, A.I., and Efremenko, D.V. *Metodologicheskie voprosy izucheniia politiki pamiati: Sbornik nauchnykh trudov*. Moscow; St. Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2018 (in Russian).
- Patnem, Kh. *Razum, istina i istoriia*. Moscow: Izdatel'stvo Praksis, 2002 (in Russian).
- Porshneva, O.S. “Issledovanie politiki pamiati: k preodoleniyu metodologicheskoi dikhotomii (na primere Pervoi mirovoi voiny).” *Diskurs-Pi*, no. 2 (2020): 128–141, <https://doi.org/10.24411/1817-9568-2020-10208> (in Russian).
- Pruzhinin, B.I., and Shvyrev, V.S., eds. *Ratsional'nost' kak predmet filosofskogo issledovaniia*. Moscow: Institut filosofii RAN, 1995 (in Russian).
- Rusakov, V.M. *Vtoroe krushenie tsarstva razuma. Problema ratsional'nogo i irratsional'nogo v sovremennoi filosofii*. Yekaterinburg: UrGSHA Publ., 1998 (in Russian).
- Rusakov, V.M., and Rusakova, O.F. “Problema i kategorii ratsional'nogo v klassicheskom marksizme.” *Diskursologii: metodologiia, teoriia, praktika*, no. 11, (2018): 190–222 (in Russian).
- Serl', Dzh. *Ratsional'nost' v deistvii*. Moscow: Progress-traditsiia Publ., 2004 (in Russian).
- Shvyrev, V. “Ratsional'nost' kak tsennost' kul'tury.” *Voprosy filosofii*, no. 6 (1992), http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=541 (in Russian).
- Tereshchuk, S.V. *Stanovlenie i razvitie organov gosudarstvennogo kontroliia v RSFSR – SSSR*. PhD diss., Moscow State University, 2005 (in Russian).
- Trotskii, L.D. *Literatura i revoliutsiia*. Moscow: Politizdat Publ., 1991 (in Russian).
- Valentinov, N.V. “Smert' Lenina.” In *NEP i krizis partii posle smerti Lenina*, 141–151. Moscow: Terra Publ., 1991 (in Russian).
- Vygotskii, L.S. “Sotsialisticheskaia peredelka cheloveka.” *Chelovek*, no. 4 (2019): 122–131 (in Russian).

Информация об авторе / Information about the author

Ольга Фредовна Русакова, д-р полит. наук, профессор, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук; 620108, Россия, Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16; rusakova_mail@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>

Olga F. Rusakova, Dr. Habil. In Political Sciences, Professor of the Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences; 16, Kovalevsky Str., Yekaterinburg, 620108, Russia; rusakova_mail@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6920-2549>

Василий Матвеевич Русаков, д-р философ. наук, профессор, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина; 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51; dipi@nm.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6453-662X>

Vasily M. Rusakov, Dr. Habil. Philosophy, Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin; 51, Lenin Av., Yekaterinburg, 620000, Russia; dipi@nm.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6453-662X>